

УДК 80(470+571)(084.121)(093.3)(092)Либан Н.И.+821.161.1-821
ББК 80г(2)д. Либан Н.И.+83.3(2Рос=Рус)1+84 (2Рос=Рус) (2Рос=Рус)6-4я44.
Л55

Составление и подготовка текста –
В.Л. Харламова-Либан

Комментарии –
Б.Н. Романов
(при участии В.Л. Харламовой-Либан)

Лекции Беседы Заметки

Либан, Николай Иванович.

Л55 **Русская литература : Лекции. Беседы. Заметки. Из архива.**
Слово о Николае Ивановиче Либане М. : Водолей, 2020. – ??? с.
ISBN 978-5-

В дополнительный, четвертый том издания наследия Николая Ивановича Либана (1910–2007), известного историка русской литературы XI–XIX веков, медиевиста, выдающегося лектора и педагога МГУ имени М.В. Ломоносова, многие десятилетия проработавшего на филологическом факультете, вошли записи и конспекты лекций разных лет, записи бесед, а также биографические материалы. Существенную часть книги, издаваемой к 110-летию со дня рождения Н.И. Либана, составили воспоминания его коллег и учеников.

Для студентов, аспирантов филологических факультетов, для всех, кто интересуется историей русской литературы и культуры.

УДК 80(470+571)(084.121)(093.3)(092)Либан Н.И.+821.161.1-821
ББК 80г(2)д. Либан Н.И.+83.3(2Рос=Рус)1+84 (2Рос=Рус) (2Рос=Рус)6-4я44.

ISBN 978-5-

© Н.И. Либан, наследница, 2020
© Д.В. Логинов, оформ., 2020

В. И. А н н у ш к и н

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ЛИБАН:
ТАЙНА ЛИЧНОСТИ И ЖИВОГО СЛОВА

1970-е... Аудитория 1060 набивалась до отказа, кто-то ставил магнитофон... Входил Николай Иванович Либан – и начиналось творческое преображение пространства и умов слушателей через вхождение в дивный мир литературы, философии, истории. Николай Иванович становился для студента воплощением служения науке, олицетворением университетского стиля мысли и поведения, начиняя с внешнего вида (всегда чёрный костюм-тройка, белая рубашка и черный галстук), продолжая общением со студентами и заканчивая оригинальным взглядом на известные факты литературы.

Если 1-й курс – время восторженного знакомства с классическими предметами и первых критических оценок понравившейся профессуры, то 2-й курс требует первого самостоятельного шага в выборе своих интересов. Каждый оперяющийся стремился показать, что у него сформировавшиеся интересы и сознательный выбор научного наставника. Я записался в семинар Н.И. Либана по Чернышевскому. Формулировки тем курсовых работ поражали простотой и определённостью: Чернышевский и Пушкин, Чернышевский и Гоголь, Чернышевский и Лесков. Мне досталась первая тема – так сказать, философские сливики: Чернышевский и Гегель. Надо было анализировать диссертацию Чернышевского «Эстетиче-

ские отношения искусства к действительности», написанную без единой цитаты как полемика с Гегелем.

Чёткие советы и наставления Н.И. я помню до сих пор и, в сущности, повторяю своим ученикам:

– Научная работа начинается со сбора библиографии. Берите карточки и на одной стороне пишите: «автор – название – место издания – год издания», на другой – краткую аннотацию.

На консультации все авторы назывались по имени-отчеству и комментировались кратко и афористично – это был аристократизм научного общения со «светом ушедших умов». Педагогический аристократизм начинался с того, что каждый из участников семинара был у Николая Ивановича в памяти («я люблю и помню каждого из моих учеников...»), и с каждым он был на «вы», по имени-отчеству, для каждого находил время индивидуальной консультации. Внимательность, предупредительность, тактичность Николая Ивановича поражали и потому заставляли трепетать сердце студента от проявления наставником остроумия, оригинальности, а в редких случаях справедливой и необидной колкости... Но главное – вдохновение, рождавшееся в студенте от чёткости наставлений Николая Ивановича и заставлявшее решительно браться за порученное дело:

– «Эстетику» Гегеля, конечно, придётся внимательно прочитать и изучить.

– Да, хорошо.

– Читать иностранных авторов надо в оригинале.

– К сожалению, я не знаю немецкого.

– Это не страшно. Ведь для филолога не бывает незнакомых языков. Берите и читайте.

Брал и пытался читать. Конечно, пословный перевод с немецкого на русский сложного философского текста давался с трудом, но запомнилось вдохновение самой попытки. На моё счастье, как раз в 72-м году начало выходить Собрание сочинений Гегеля с томами «Эстетики»... Сорок лет спустя я прочитываю в воспоминаниях Николая Ивановича о С.К. Шамбина о аналогичный совет, данный ученику в 30-е годы его учителем.

Так, видимо, продолжается научная традиция... А что делать сегодня, когда с компьютерными технологиями прервана традиция «карточек» или «карточки»? Но предшествующие формы культуры не исчезают, если только ими сознательно не пренебрегают. Они могут усовершенствоваться новыми технологиями, и новые возможности позволяют теперь наблюдать колоссальное количество авторов и примеров – жаль только, разум человеческий не вмещает такого количества информации и что-то не видно, чтобы новые формы работы формировали подлинную эрудицию, оригинальный стиль, настоящий вкус. Не я один знаю, как помогает в формировании научной личности эта тщательная работа над выписыванием и переписыванием карточек, примеров, целых текстов.

После 2-го курса вы выпускались в жизнь. Было твёрдо сказано: «Желательно поучиться у других...» И я пошёл к легендарному Сергею Михайловичу Бонди, тогда уже 90-летнему, участнику мейерхольдовско-блоковского «Балаганчика», исследователю пушкинских рукописей, писать курсовую об этом самом «Балаганчике». Но Николай Иванович по-прежнему был рядом и неизменно интересовался у бывших участников семинара, кто чем занимается.

Как мягко умел он подсказать и направить! На 3 курсе подхожу к нему в коридоре:

– Николай Иванович, мне надо с вами серьёзно поговорить.

В глазах Н.И. мелькает лукавый огонёк:

– Что такое, Владимир Иванович? Жениться собираешься?

– Нет-нет, – окончательно теряюсь от неожиданности «серёзного» вопроса, а надо выруливать на нужную тему. – Мне предлагают ехать учиться в Югославию.

– Не советую, – мягко и решительно говорит Либан. – Лучше Московского университета вы всё равно ничего не найдёте.

Вопрос закрыт.

К сожалению, память оставляет нам только внешние частные атрибуты, но они выразительно свидетельствуют

об образе человека. Консультируя по курсовой, Н.И. пригласил домой. Запомнился старомосковский переулок и дворик у метро «Парк культуры», затенённая квартира с книгами и мелодичным перезвоном старинных часов. На пороге при расставании Н.И. подаёт второкурснику пальто:

– Ну что вы, Николай Иванович!..

– Не лезьте со своим уставом в чужой монастырь. – И студент лезет в рукава своего пальто...

– Так, я к Вам подъеду на следующей неделе, Николай Иванович?

– «Подъехать» можно в Одессе, Владимир Иванович, а ко мне лучше «приехать».

Чётко, строго, дружески, поучительно, одним словом, – университет...

* * *

А как Николай Иванович принимал экзамены! Можно было пользоваться любой литературой: пожалуйста, готовьтесь – и на диалог с Николаем Ивановичем! Диалог ведётся на равных. Вы излагаете свои, добытые из чужих книжек мысли. Потом задаются два-три нехитрых вопроса – и вы на лопатках, потому что комментарий Николая Ивановича настолько оригинален, он сообщает столько неизвестных вам фактов, что вы несколько теряетесь. Это был равноправный поиск истины двух философов – совсем по образцу диалектического сократического диалога с той же сократовской ironией и мудростью.

А как Николай Иванович умел отстоять студента, скольких он вытащил на защитах! Ведь у него не было других оценок, кроме «отлично». Но это была не поблажка, а поддержка – и, видимо, Либан прав: студент должен осознать своё невежество, несовершенство, но уйти окрылённым, чтобы продолжать затем творить и благоговеть перед наукой, любить и благодарить своих учителей.

Либановская манера чтения лекции непередаваема. Ведь студент более всего ценит творчество на его глазах, живое слово, рождённое знаниями и эрудицией лектора и обращённое к сердцам слушателей. Кажется, Николай Иванович являл

то, что прежде всего отмечал среди природных душевных дарований Ломоносов: остроумие и память. Конечно, каждый, кто слышал и наблюдал Либана в процессе лекторского творчества, теперь, прочитывая его книги, слышит его интонации, задумывается над тайной изобретения оригинальных идей, изумляется эрудиции этого человека.

Вот Николай Иванович останавливается и, будто припоминая, прищурившись, цитирует наизусть «Житие протопопа Аввакума»:

«— Зовёт меня к себе Афанасий Пашков:

— Ты кто: поп или распоп?

Аз же ему отвещал:

— Аз есмь Аввакум протопоп. Говори: что тебе до меня дело?

Он же рыкнул аки дивий зверь и вдарил мя по щоке, и паки в голову и, разболокши, по той же спине семьдесят два удара кнутом. Аз же лежу под дощаником и говорю:

— Господи, Иисусе Христе, помогай мне!

Так всю нощь под дощеником и пролежал...» Долгая продолжительная пауза. Либан молчит, будто он и есть тот самый протопоп, а мы соприсутствуем и сострадаем вместе с ним. Затем — знаменитое, навсегда полюбившееся:

«...Доколе, протопоп, мука сия будет?

Аз же, вздохня, отвещал:

— И, Марковна, до самыя смерти».

Эти цитаты из «Жития протопопа Аввакума», как и другие тексты, навсегда запечатлевались в памяти — настолько они были выразительны, исполнены с непередаваемым чтецким изяществом.

Если в ораторском искусстве главное, по Демосфену, «произношение, произношение и ещё раз произношение», то Либан как раз показывал тот университетский, аристократический, благородный стиль голосоведения, который не встретишь сегодня на лекторской трибуне, тем более что её (трибуну) предлагают заменять инновационным компьютерным экраном. Либан, видимо, воспринял манеру учителей 30-х годов — во всяком случае Станиславский учил в первую очередь «делить речь на такты», откуда рождается вырази-

тельность паузы — и так, как молчал Либан и следили за его размышлением слушатели, едва ли увидишь в каком театре... Из паузы рождалась точная логика афористичной мысли, из эмоционального освоения мысли — мелодическая интонация. Интонации либановской речи неподражаемы и непередаваемы, но именно в них слышится уникальная музыка русского живого слова с максимальными подъёмами на логических ударениях голоса вверх и его выразительными падениями вниз в конце фразы. Логические центры ещё и растягиваются, чего не передашь никакими фонетическими аппаратами и схемами, чему почти невозможно обучить иностранца, но чем так наслаждается русский слушатель, впитавший эти интонации с молоком матери, сказками бабушки или песнями нянюшки... При этом никакой декламации, потому что звуками негромкого приманивающего голоса Либан притягивает, привораживает и навсегда приковывает слушателя ...

Как жаль, что пулёмётность и псевдоэнергетика речи не позволяют современному человеку понять, что такое думающая, размыслительная речь. Знаю, что, сознательно или подсознательно, я требую теперь от своих учеников в курсах выразительного чтения или риторики именно этого: не ложноголосовой активности, которой покоряют слушателей засевшие в СМИ мальчики-дикторы и управленцы от образования, а по-либановски осмысленных пауз и музыки его русской речи.

* * *

Последующие встречи были редки, но они памятны, потому что каждый вопрос Николая Ивановича был, что называется, не в бровь, а в глаз. Он уже знает, что я занимаюсь риторикой. Как-то вышли вместе из университета — и вновь с хитринкой, выказывающей то самое либановское «это интересно»:

— Вот вы занимаетесь риторикой. А как вы относитесь к Ленину? Хороший был оратор?

Было уже, наверное, начало 90-х, всех живо интересовало преображение коммунистической власти и наше новое отношение к прежним авторитетам. На мои банальные попытки

обосновать свою точку зрения Николай Иванович отвечает разумчиво и честно:

— Не знаю, не слыхал... А вот Луначарского слушал: интересный был человек...

* * *

Одна из главных идей Николая Ивановича — идея личности, неповторимости человеческого «я». Это идея христианская: образ человека есть образ Божий, и каждый из нас воплощает свою идею, реализуя с разной степенью успеха свой образ и данный ему талант. Так, Николай Иванович как-то мягко и решительно возразил против идеи отсутствия в древнерусской литературе индивидуального личностного стиля. В каждом авторе, который должен восприниматься «всем сердцем и душою», видится это личное, «от-личное» от других начало, а не нивелирующий всех одинаковостью и заимствованием «литературный этикет». Идея личного начала ярко, мудро и ненавязчиво осуществлена Н.И. Либаном в его собственной жизни: стремиться не к чинам, внешнему успеху, а довольствоваться тем, что ты служишь... И если цель жизни — служение (Богу, Истине, своему делу, своим ближним, а мы все были ему «ближними», обласканными вниманием и любовью), то Господь и даровал многолетствие за ту исключительную внутреннюю гармонию, которая видимо была в Н.И. Либане и которую он распространял на всех, с кем встречался и особенно на тех, кого учил. Этот мотив **служения** — главный и во впечатлениях от лекций и общения с Николаем Ивановичем.

Два парадоксальных филологических (или риторических) закона подтверждаются итогами жизни Николая Ивановича Либана. Первый закон — **эффективности и влиятельности слова и личности автора**. Если **эффективность** говорит только о сегодняшнем результате авторских усилий (говорящего или пишущего), который добивается признания или согласия от слушателей, коллег, профессионального сообщества, то **влиятельность** показывает долговременный результат речи (слова, совокупности текстов) — впечатление, оставляемое на годы и десятилетия. Современная эффективная

личность забывается, а влиятельная личность остаётся в культуре и памяти человечества. В этом смысле филолог живёт для вечности, а не для сиюминутного успеха. Такую «вечность» Николай Иванович Либан снискдал своими трудами: лекциями, учительством, общением с коллегами и «ближними», а слово, «только оболочка» — инструмент-орудие его «любословного», т.е. филологического труда. Л. Из сиюминутности и вечности вытекает другой парадоксальный закон — **культурной сохранности устной или письменной речи**. Устная речь сиюминутна и, как правило, умирает, едва родившись (вот она «вылетела — и не поймаешь!»), она в принципе не запоминается, письменная же — тяготеет к вечности, её «не вырубишь топором», хотя рукописи не только горят, но и уничтожаются. Впрочем, в современных условиях нам велят считать количество трудов, собирать «портфолио» и «над рукописями трястись». Но есть влиятельное устное слово, записанное не самим создателем, а его учениками и последователями — и таково слово самых влиятельных людей человечества: Сократ, записанный его учеником Платоном. Самый выразительный пример — Господь Иисус Христос, чье Слово записано учениками-апостолами.

Среди филологов, давших направление стилю русской научной мысли — Иван Иванович Давыдов, чьи лекции о словесности записали и издали в 1837 году его университетские ученики; Потебня с его «Записками по русской словесности»; Фортунатов с «Лекциями по языковедению»; наконец, в XX веке Фердинанд де Соссюр с его «Курсом общей лингвистики»...

Конечно, культурным текстом устной речи становится фольклор, который запоминается человечеством и продолжает свою жизнь в устном слове, а культурно значимыми текстами устной научной речи становятся письменные публикации-«расшифровки», с большей или меньшей степенью точности передающие устное слово. В случае с Николаем Ивановичем Либаномциальному человечеству повезло: оно может пользоваться магнитофонными записями, которые, хотя и требуют обработки, но в данном случае мы имеем дело с редко встречающимся феноменом, выражаемым грибодировским афоризмом «говорит, как пишет»...

Устная лекторская речь Николая Ивановича Либана может быть сразу переложена в письменный печатный текст – это чувствует каждый, кто слышал Либана или попытается анализировать его стиль. Он сам выделял эту проблему как наитруднейшую, ибо, как почувствовать эту тайну стилистического творчества? Её можно проанаблюдать и отчасти только фиксировать в наших научных наблюдениях. Например, отметить краткость фраз и афористичность суждений, которые сразу показывают нам, что перед нами лекторская речь, адресованная слушателю, вводимому в предмет и в то же время возвышающему сложностью и необычностью мысли лектора. Глубина мысли сосредоточена с богатством и изяществом слов, которые заключены в синтаксически простые, но разнообразные обороты.

Анализ научного стиля лучших русских авторов-стилистов – почти нетронутая проблема русской филологии. О стиле их мысли и жизни, тайнах научно-педагогического творчества выдающихся филологов как XX, так и предыдущих веков, особенно важно говорить сегодня, в эпоху создания новой фактуры речи – массового информационно-компьютерного образования, когда требуется сохранить **верность** традиции, служить науке честно, преданно, не для славы и чинов, а ради неё самой. О «верности – главной черте русской женщины», непонятой Евгением Онегиным, говорил Николай Иванович в своих лекциях. Сегодня эта верность явлена стараниями Веры Львовны Харламовой-Либан, издающей труды Николая Ивановича Либана.

Но и мы все проверяемся этой верностью Учителю, преданно послужившему русской словесной культуре многие лета и снискавшему Вечную память.

2010–2015

ВОСПОМИНАНИЯ

М. Г. Алхазова

ВСТРЕЧА С Н.И. ЛИБАНОМ – СЧАСТЬЕ

В конце 60-х при филфаке МГУ появилась школа. В 9 класс набирали всех желающих, проходивших собеседование. Ребята собирались со всех концов Москвы. Так в типовом довоенном здании возле Октябрьской площади началась совсем особенная жизнь. Не было дня учебной недели, когда бы в расписании отсутствовали уроки литературы, а по средам восемь часов подряд нам читали лекции университетские преподаватели, среди которых были Самарин, Тахо-Годи, Полонская, Турков, Поспелов, А. Орлов, Турбин... Нашим школьным учителем был талантливый и яркий человек – Александр Владимирович Музылев. В университете он занимался у Николая Ивановича Либана. Да и школа эта возникла тоже благодаря Либану. Николай Иванович читал нам сначала лекции по культуре речи, а потом – древнерусскую литературу. Перед первым его занятием Музылев нам сказал: «...сегодня вы увидите человека, встреча с которым – счастье». Так и оказалось. В Либане было то, чего так часто не хватало нам в окружающих: благородства учёного и достоинства частного человека... На Николае Ивановиче была печать другого времени, другой эпохи.

Встреча с Либаном часто определяла вектор жизни его учеников. Скольких людей Николай Иванович не только выучил, но спас! Скольким помог! <...> Знания, не утверждённые